

КОТ-ДЕТЕКТИВ ДЫМОК

Грей Блис

Том 4

18+

Грей Блис

Кот-детектив Дымок. Том 4.

<https://litres.ru/74266767>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы наконец-то разобрались с Высшим и всей его компанией. Тихие дни? Вот же они, наслаждайся? Дымок, да что тебе опять не так, ты же так мечтал об этом!

Сперва похищают Лу. Мне-то легко её найти, однако это повторяется... Что, если я не успею?

Наш путь не подошёл к концу, он просто был без приключений.

Ну, что-ж. Кот-детектив Дымок снова в деле!

Содержание

Глава 1. Дом, милый дом.	4
Глава 2. Сыр.	13
Глава 3. Урок.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Грей Блис

Кот-детектив

Дымок. Том 4.

Глава 1. Дом, милый дом.

Прошла неделя. Не та, что лечит всё подряд, а настоящая — тяжёлая, шершавая, с неловкими паузами, когда кто-то хочет что-то сказать, но не решается. Дом Рив будто стал тише: не потому что в нём ничего не происходило, а потому что все теперь прислушивались — друг к другу, к шагам, к тишине, которая раньше казалась пустой, а теперь была наполнена невысказанным.

Я почти не заходил в ту часть дома, где раньше Рив ставила блюдце с молоком и звала меня: «Дымок, иди сюда, тут тепло». Теперь я держался ближе к комнате Лай — там пахло чернилами из её блокнота, старой бумагой и чем-то спокойным, без приторной сладости. Там не пытались сделать вид, что ничего не случилось. Там просто жили дальше.

Рив не подходила. Ни в первый день, ни во второй. Будто боялась, что один неверный шаг — и я снова уйду, не оглядываясь. Она смотрела на меня издали, когда думала, что я не вижу: как будто пыталась найти в моих глазах хоть искру

прежнего доверия. Но я не давал ей этой искры. Не потому что хотел сделать больно. А потому что боль уже была — та, от которой не остаётся царапин, но которая делает каждый шаг осторожнее.

А потом, в один обычный серый день, она всё-таки подошла. Не с улыбкой, не с попыткой всё исправить одним словом. Просто встала в проёме двери, где я сидел на подоконнике рядом с Лай, и сжала пальцы так, будто они могли удерживать её, если ноги вдруг подогнутся.

— Дымок... — тихо сказала она, и голос её звучал не как раньше — не как у той, кто уверен, что её все любят и все простят. Теперь в нём была дрожь, от которой становилось не по себе. — Прости меня, прошу. Я... я кое-что вспомнила.

Лай чуть отодвинулась, не убирая руку с подоконника, но давая мне пространство. Не вмешивалась. Просто была рядом — на случай, если мне понадобится эта опора.

Рив сглотнула, будто слова царапали горло.

— В тот период, когда мы купили Рыжика... я вспомнила... он подсыпал мне что-то. В чай. В воду. Что-то, от чего всё становилось... туманным. Как будто я смотрела на мир сквозь грязное стекло. Я не хотела не верить тебе, Дымок. Я просто... не могла собрать мысли. Всё время казалось, что ты преувеличиваешь, что тени — это просто тени, что тревога — это просто нервы. А он... Рыжик мурчал, словно говорил: «Всё нормально. Тебе надо не думать о нём.». И я ве-

рила. Потому что так было легче.

Она опустила глаза, посмотрела на свои руки, будто хотела найти на них следы того порошка, который стёр её память.
— Я не хотела. Правда. Прости меня.

В комнате стало тихо. Даже часы, которые всё это время тикали где-то в глубине дома, будто на секунду задержали дыхание.

Дин и Макс стояли чуть позади, не вмешивались, но были готовы, если вдруг ей станет плохо. Лай не шевелилась. Ждала. Не за меня. За нас всех. Чтобы понять: сможем ли мы теперь дышать в одном доме.

Я сидел на подоконнике, смотрел на Рив. Не с ненавистью. Не с презрением, как в первые дни. Просто смотрел. И видел перед собой не ту, что предала, а ту, которую сломали, а она даже не поняла, как это произошло.

И тогда я мяукнул.

Не громко. Не требовательно. Не как когда просишь еды или чтобы тебя погладили. Просто один тихий звук: «Я слышу».

Не «прощаю». Не «всё забыто». Просто: «Я тебя слышу. И я знаю, что тебе сейчас тяжело».

Рив вздрогнула, будто этот "мяу" был для неё как пощёчина — резкий, честный, без прикрас. Но потом её плечи чуть опустились, как будто с них сняли тяжёлый мешок. Слеза скользнула по щеке, но она не стала её вытирать. Просто кивнула, будто приняла и это тоже.

— Спасибо, — прошептала она. — Этого достаточно.

Лай тихо вздохнула, будто только сейчас смогла нормально вдохнуть. Протянула руку, не ко мне, а к Рив, и чуть коснулась её плеча — не сильно, просто чтобы та почувствовала: она не одна.

За окном небо становилось светлее. Туман, который неделю висел над двором, потихоньку рассеивался, открывая крыши, деревья, старые качели, на которых никто давно не качался.

Я снова посмотрел на Рив, потом на Лай. И подумал: «Прощать — это не значит забыть. Прощать — это значит позволить себе сидеть в одной комнате и не ждать удара в спину. Сегодня я ещё не готов сказать „всё хорошо“. Но я готов сказать „я здесь. И я слушаю“».

И этого, кажется, было достаточно. На сегодня — точно.

Я спрыгнул с подоконника, мягко, без лишней суеты — будто если сделаю всё слишком резко, кто-то снова решит, что я «не в себе». Прошёл по коридору, где половицы всё ещё помнили тяжёлые шаги того, кто приходил лично, и свернул на кухню. Там, за магнитом в виде рыбки, лежал сложенный вчетверо листок. Тот самый. С аккуратными, почти врачебными строчками: *«Аномальное поведение, не соответствующее биологическому виду. Критический приоритет.»* .

Я зубами вытащил его, сжал чуть крепче, чем нужно, будто хотел, чтобы бумага почувствовала, как мне неприятно это держать. Потом вернулся к Лай, сел у её ног, посмотрел

прямо в глаза и тихо мяукнул. А потом подтолкнул листок к ней.

Лай не стала морщиться или говорить: «Ой, опять ты это нашёл». Она просто наклонилась, взяла листок, пробежала глазами по строчкам, потом снова посмотрела на меня — спокойно, без жалости.

— Опять волнуешься из-за этого? — тихо спросила она. — Дымок, ты обычный. Ну, ладно, не совсем обычный. Но не бери это себе в голову. По-моему, тебе наоборот надо развивать свои способности. Скажем, учиться считать.

Я уставился на неё. Обида поднялась внутри, горячая и колючая, как сухая трава под лапой. Я ведь не глупый. Я знаю умножение. Знаю, сколько раз нужно обойти дом, чтобы убедиться, что за углом никто не ждёт. Знаю, сколько шагов от двери до подоконника. Зачем мне «развивать способности», будто я щенок, который только учится приносить мячик?

Я медленно поднял голову, посмотрел на неё так, будто в этом взгляде было всё: «Я знаю умножение. Что мне ещё надо?»

Лай чуть улыбнулась — не насмешливо, а как улыбаются, когда понимают, что обиделись не зря.

— Ладно, ладно, — сказала она, поднимая руки, будто сдаваясь. — Вижу, ты не новичок. Тогда считаешь дроби. У меня где-то валяется старый учебник по математике за пятый класс. Там как раз про это.

Я фыркнул. Ну вот. Дроби. Как будто это решит, почему

тени в коридоре становятся длиннее, когда никто не смотрит.

А потом я вспомнил про второе. То, что лежало в нише под шкафчиком, куда никто не заглядывал, потому что там вечно скапливалась пыль и забывались старые вещи. Я подошёл, сунул нос, вытащил зубами визитку. Потёртая, с облупившейся золотой каймой. *«Ветеринарная клиника. Неврологическое обследование животных. Консультация по аномальному поведению»*.

И положил её рядом с листком. Прямо перед Лай.

Она посмотрела на визитку, потом на меня. И в её взгляде не было ни смеха, ни раздражения. Только понимание.

— Ты этого хочешь? — тихо спросила она, будто проверяя, не тороплюсь ли я, не делаю ли это из обиды. — Ладно. Я поговорю с Рив. Если ты хочешь разобраться, мы тудаходим.

Рив, которая стояла в дверях, чуть сжав плечи, кивнула. Не радостно, но твёрдо.

— Да, — сказала она тихо. — Если Дымок хочет, мы пойдём. Я... я должна была раньше об этом подумать. Прости.

Дин и Макс переглянулись. Макс чуть пожал плечами, будто говорил: «Ну, если надо, значит, надо». Дин просто кивнул: «Мы с вами».

В клинике пахло спиртом, старыми журналами и чем-то тревожным, что висело в воздухе, как статическое электричество. Я шёл между Лай и Рив, не прижимаясь ни к одной

из них, но чувствуя, как с обеих сторон от меня — опора. Не та, что душит заботой, а та, что говорит: «Мы тут. Мы не дадим тебя в обиду».

Ветеринар — женщина с усталыми глазами и руками, которые, казалось, знали, как успокоить любое испуганное существо, — посмотрела на меня, потом на бумаги, потом на ребят.

— Он сам выбрал прийти? — спросила она, и в этом вопросе было что-то важное.

— Сам, — твёрдо сказала Лай. — Он всё понимает. Лучше, чем многие думают.

Меня водили по кабинетам, светили фонариком в глаза, просили реагировать на звуки, на вспышки, на тихие шорохи. Затем делали какие-то снимки. Я делал всё, что нужно, не дёргаясь, не пытаясь сбежать. Я хотел знать. Хотел увидеть, что там, внутри, где прячется эта «аномальность».

А потом врач села за стол, постучала пальцами по клавиатуре, посмотрела на экран, потом снова на меня. И вдруг её лицо изменилось. Не стало испуганным, нет. Но стало... уважительным.

— У него аномальные показатели, — сказала она, не глядя на Рив, а прямо на меня, будто я мог понять. — Не в плохом смысле. Его реакции, скорость обработки информации, способность выделять детали, которые человек пропускает... Это не болезнь. Это... очень высокий уровень мозговой активности. Если бы он был человеком, я бы сказала про

очень высокий IQ.

Рив тихо всхлипнула, но не от страха, а будто с неё сняли тяжесть, которую она носила неделями.

— То есть... он не больной? — прошептала она.

— Нет, — спокойно сказала врач. — Он просто... другой. Очень внимательный. Очень чувствительный к деталям. И мозг у него работает так, как у единицы из тысячи. Может, даже реже.

Лай положила ладонь мне на спину — не сильно, просто чтобы я чувствовал: она рядом.

— Видишь? — тихо сказала она. — Ты не сломан. Ты просто видишь больше.

Мы вышли на улицу, и солнце ударило в глаза, но теперь оно не слепило. Оно будто делало мир чётче.

Я шёл между ними, и думал: «Высокий IQ. Аномальный. Что это вообще даёт?»

Я остановился, поднял голову, посмотрел на Лай. Мяукнул. Не требовательно. Просто чтобы она услышала.

Лай присела на корточки, чтобы наши глаза были на одном уровне.

— Что такое? — спросила она.

Я снова мяукнул.

Она помолчала секунду. Потом улыбнулась — не широко, а так, как улыбаются, когда знают, что впереди много работы, но она того стоит.

— Знаешь, — тихо сказала она, — высокий IQ — это не

про то, что ты можешь победить всех врагов одним взглядом. Это про то, что ты видишь связи там, где другие видят просто шум. Про то, что ты можешь заметить одну неправильную тень среди тысячи правильных. И спасти тех, кто рядом.

Я чуть наклонил голову. В груди всё ещё было тяжело от этого слова — «аномальный». Но теперь оно не звучало как приговор. Оно звучало как... особенность. Как шрам, который напоминает: ты прошёл через что-то, и теперь видишь иначе.

— И да, — добавила Лай, чуть усмехнувшись, — дрови всё равно придётся выучить. Вдруг понадобится рассчитать, под каким углом прыгнуть, чтобы сбить коробочку с чужой руки.

Я фыркнул. Но в этот раз не от обиды. Почти улыбнулся бы, если бы коты так умели.

Где-то впереди Дин и Макс уже спорили, куда пойти — домой или сначала съесть по мороженому, чтобы смыть этот больничный привкус. Рив шла рядом, иногда поглядывая на меня, будто боялась, что я исчезну, если отвести взгляд. Но я не исчезал. Я был тут.

И впервые за долгое время я подумал: может, быть «аномальным» — это не значит быть сломанным. Может, это значит быть тем, кто видит то, что спрятано. И защищает тех, кто не видит.

Глава 2. Сыр.

На следующий день я вышел на улицу. Не чтобы прятаться в тених или высматривать врагов. Просто хотел снова почувствовать себя обычным. Таким, каким бывают все коты: голодным, любопытным, немного нахальным. Хотел, чтобы в груди не гудела эта стальная струна напряжения, а просто приятно колотилось сердце от быстрого бега.

Асфальт был тёплым, почти горячим — солнце уже успело прогреть двор, выжечь ночную сырость. Я шёл, не оглядываясь на окна дома, где за занавесками наверняка кто-то стоял и смотрел мне вслед. Пусть смотрят. Сегодня я не защитник. Сегодня я просто кот.

Сначала — охота.

На заборе, у покосившегося сарая, сидела воробья. Не какая-то там хитрая городская птица, что улетает при первом шорохе, а местная, уверенная в себе, будто этот двор принадлежал ей одной. Она чистила пёрышки, время от времени поглядывая вниз, будто проверяя, не пришёл ли кто-то её кормить.

Я замер. Не как перед прыжком на Высшего — там всё было про ярость и расчёт. Сейчас это была другая тишина. Мягкая, текучая. Я втянул носом воздух: пыль, старая древесина, немного бензина с дороги и этот резкий, живой запах птицы.

Медленно, миллиметр за миллиметром, я прижал уши, опустил грудь к земле, чуть выгнул спину. Хвост перестал дёргаться, стал тяжёлым и послушным. Я стал тенью, которая вдруг обрела форму.

Она заметила меня, когда я был уже в двух прыжках. Чуть повернула голову, моргнула, будто не поверила своим глазам: «Ты что, серьёзно?» И в этот момент я рванулся.

Не с рёвом, не с шипением — просто быстрый, сухой бросок, как молния по проводам. Она взмыла вверх, хлопая крыльями, воздух вокруг загудел от этого шума, но я уже был там, где она только что сидела. Лапы ударились о доски, когти впились, чтобы удержать равновесие, а нос почти коснулся её пёрышка, которое осталось на заборе.

Я не поймал её. И, странно, не расстроился. Потому что на долю секунды я снова был просто котом, который гонится за птицей, а не тем, кто должен спасти мир.

А потом был магазин. Маленький, с пыльными витринами и дверью, которая всегда чуть-чуть не захлопывалась. Там пахло хлебом, колбасой и чем-то кислым, от чего у меня сразу начинали течь слюнки.

Я не собирался ничего красть. Честно. Просто крутился у входа, надеясь, что кто-нибудь выйдет и оставит дверь открытой хоть на секунду. Но удача любит наглых.

Хозяин магазина, дядя Петя, стоял у прилавка, спорил с кем-то по телефону, размахивал свободной рукой и совсем не смотрел в сторону двери. А на прилавке, рядом с веса-

ми, лежал кусок сыра. Не какой-то там дорогой, а обычный, жёлтый, с дырками, от которого шёл такой запах, что у меня поджимались лапы.

И тут дверь приоткрылась — кто-то зашёл, звякнул колокольчик, дядя Петя на секунду отвернулся.

Этого хватило.

Я скользнул внутрь, низко, почти прижавшись к полу, чтобы не мелькнуть в поле зрения. Пахло сильнее, почти оглушающе. Сыр был совсем рядом. Я не думал. Не взвешивал риски. Просто рванулся вперёд, схватил кусок зубами — он оказался твёрдым, но пах так, что это не имело значения — и тут же метнулся назад, в щель, пока дверь снова не закрылась.

Колокольчик звякнул. Где-то сзади раздался голос дяди Пети: «Эй! Кто там?!» Но я уже был на улице, прижимал сыр к земле лапами и терзал его, чувствуя, как соль и жир растекаются по языку.

Сердце колотилось не от страха, а от азарта. От того самого, который бывает, когда ты делаешь что-то запретное и остаёшься безнаказанным.

— Ну ты даёшь, — раздался голос Лай.

Я чуть не подпрыгнул. Обернулся. Она стояла у края тротуара, в руках — свой вечный блокнот, на лице — не гнев, а скорее удивление пополам с восхищением.

— Ты что, сыр украл? — спросила она, и в её голосе не было осуждения. Скорее... уважение к моей наглости.

Я мяукнул. Не оправдываясь. Просто: «Да. И что?»

Лай подошла, присела на корточки, но не стала отбирать сыр. Просто посмотрела на меня и тихо рассмеялась.

— Знаешь, — сказала она, — обычные коты так и делают. Ловят птиц. Тырят сыр. Им не нужно спасать мир. Им нужно, чтобы их гладили и давали спать на тёплом подоконнике.

Я догрыз кусок, сглотнул, потом подошёл к ней и уткнулся носом в её колено. Не потому что просил прощения. А потому что хотел сказать: «Я могу быть и таким. Я могу быть просто котом».

— Ладно, — тихо сказала Лай, осторожно, будто боялась спугнуть это моё «обычное», провела ладонью по моей спине. — Пусть сегодня ты будешь просто Дымком. Без миссий. Без врагов. Без коробок со шестерёнками.

Где-то вдалеке кричала та самая воробыха, будто рассказывала другим, как её чуть не поймал наглый кот. Солнце грело спину. Сыр был вкусным. И на одну минуту, может, даже на две, мир перестал быть опасным местом. Он стал просто двором. Просто улицей. Просто жизнью, в которой можно гоняться за птицами и воровать сыр, и никто за это не будет тебя судить.

Я сел рядом с Лай, поставил бок под её ладонь и подумал: «Пусть это продлится чуть дольше. Пусть хотя бы сегодня никто не придёт за нами. Пусть я буду просто котом. Хотя бы до вечера».

После сыра и солнца мне вдруг захотелось не просто быть

обычным котом — а быть котом, который устраивает переполох. Не ради спасения мира, не потому что где-то щёлкает коробочка и тени становятся длиннее. А просто так. Ради веселья. Ради того чувства, когда лапы сами несут тебя туда, куда людям нельзя.

Школа.

Я шёл к ней не крадучись, не прижимаясь к заборам, как тогда, когда выслеживал Высших. Наоборот — почти вприпрыжку, будто внутри щёлкнуло что-то лёгкое, почти забытое. Асфальт сменился школьным двором, где на скамейках ещё лежали забытые рюкзаки, а на турнике висела чья-то куртка. Пахло мелом, мокрыми листьями и чем-то таким, что бывает только в местах, где каждый день толпятся люди.

Окна были жёлтыми от света, и в каждом — силуэты: кто-то махал руками, кто-то наклонялся над партой. Я скользнул вдоль стены, мимо клумбы с поникшими астрами, и нашёл щель в приоткрытой двери подсобки. Тёплый сквозняк тянул внутрь, и я пошёл за ним.

Внутри пахло пылью, старыми тряпками и клеем — запах, от которого хотелось чихнуть, но я сдержался. Коридор был длинным, гулким, будто специально созданным для того, чтобы любой шорох становился в десять раз громче. Где-то далеко звенел звонок, потом хлопала дверь, и голоса растекались эхом, как вода по полу.

И тут началось веселье.

Это были не прятки от убийц. Это была игра.

Учительница в кабинете биологии — строгая, с очками на цепочке — наклонилась над столом, что-то писала. А я проскользнул у неё под ногами, так тихо, что она даже не вздрогнула. Только туфли чуть сдвинулись, будто сами по себе. Я замер у плинтуса, прижал уши, чтобы не выдать себя хвостом, и смотрел, как она снова склоняется над бумагами. Потом медленно, миллиметр за миллиметром, вытянул лапу и легонько поддел ластик на краю стола. Он покатился, стукнулся о стаканчик с ручками и замер.

Она подняла голову. Огляделась. Поправила очки. И ничего не увидела.

А я сидел и думал: «Вот оно. Прятки. Только я — не жертва. Я — тот, кто прячется и смеётся».

Дальше был коридор. Там бежали ребята, громко топали, спорили, кто быстрее добежит до столовой. Я прижался к стене, слился с тенью у шкафчиков, и когда толпа пронеслась мимо, выскользнул прямо за ними, как тень, которая вдруг решила поиграть.

Один мальчишка — в синей куртке, с растрёпанными волосами — остановился у своего шкафчика, потянулся за сменкой, и тут я тихо мяукнул. Совсем рядом. У самой его ноги.

Он подпрыгнул. Резко обернулся, глаза круглые, будто он только что увидел привидение.

— Кто тут?! — шёпотом крикнул он, оглядываясь по сторонам.

А я уже был за шкафчиком, хвост спрятан, нос прижат к полу, и только глаза блестели в темноте.

— Да ладно тебе, — крикнул ему кто-то из друзей, не останавливаясь. — Показалось!

Мальчишка ещё секунду постоял, потом пожал плечами, захлопнул дверцу и побежал догонять остальных.

Я тихо фыркнул. Почти засмеялся бы, если бы коты умели.

Потом я забрался на подоконник в пустом классе. Там было тихо, только где-то капала вода из крана, и свет падал косыми полосами, рисуя на полу золотые квадраты. Я сел, поджал лапы, смотрел в окно на двор, на качели, на небо, которое становилось всё светлее, и думал: «Пусть это будет просто день. Пусть я буду просто котом, который пробрался в школу, напугал мальчишку, подвинул ластик и теперь сидит на подоконнике, как король этого пустого класса».

Но потом я услышал шаги. Не быстрые, не панические — ровные, уверенные. И голос, который я узнал сразу.

— Дымок? — тихо позвала Лай. — Я так и знала, что ты тут.

Я не бросился к ней, не замаяукал радостно. Просто чуть наклонил голову, будто говорил: «Ну да. А где мне ещё быть?»

Она стояла в дверях, в руках — тот самый блокнот, на плече — рюкзак, а в глазах не было ни злости, ни упрёка. Только лёгкая улыбка, будто она сама когда-то так же пряталась.

лась по углам и знала: иногда нужно просто поиграть, чтобы не сойти с ума от серьёзности мира.

— Ты опять устроил переполох, — сказала она, подходя ближе, но не пытаясь меня схватить. — Учительница из кабинета биологии чуть не поседела, когда ластик сам поехал по столу. А мальчишка у шкафчиков теперь всем рассказывает, что в школе живёт привидение.

Я мяукнул. Не оправдываясь. Просто: «Да. И что?»

Лай присела на край парты, положила блокнот на колени и посмотрела на меня так, будто видела не просто кота, а того, кто только что на минуту сбросил с себя весь груз.

— Знаешь, — тихо сказала она, — иногда прятки — это не про страх. Иногда это про то, чтобы почувствовать себя живым. Чтобы понять: ты можешь быть незаметным, можешь быть хитрым, можешь быть просто... весёлым. И это нормально. Даже для того, кто однажды прыгнул на шею Вышему.

Я подошёл к ней, запрыгнул на парту, сел рядом, не слишком близко, но так, чтобы чувствовать тепло её джинсов. Потом ткнулся носом в её ладонь — не сильно, просто чтобы она поняла: «Спасибо, что не ругаешь. Спасибо, что видишь: мне нужно было это».

Где-то в коридоре снова хлопнула дверь, кто-то громко засмеялся, и эхо покатилося по пустым коридорам, как мяч по асфальту.

Лай тихо вздохнула, улыбнулась и достала из кармана бу-

терброд. Не тот, что для героев. Не тот, что дают, когда хотят подбодрить перед битвой. А обычный, с колбасой, немного помятый, но от этого только вкуснее.

— Держи, — сказала она. — За ластик. И за мальчишку. И за то, что ты не забыл, как быть просто котом.

Я взял бутерброд зубами, отошёл на пару шагов, сел и стал есть. Не торопясь. С достоинством. Как кот, который знает: сегодня он не спасал мир. Сегодня он просто устроил небольшой переполох — и этого было достаточно.

Затем я зашёл в класс Лай, готовясь к новому развлечению.

Я скользнул под учительский стол ещё до звонка — пока класс был пустым, а воздух пах только мелом и пылью. Там было уютно: темно, тихо, и казалось, что весь мир снаружи ещё не начался. Я устроился, поджал лапы, высунул только самый кончик хвоста — просто чтобы чувствовать, как по нему скользит прохлада. И замер.

Вскоре пришла Лай. А следом за ней — Рив. Они сели вместе, как всегда: Рив чуть сутулилась, будто пыталась стать меньше, а Лай, наоборот, будто держала за них обеих. Рив положила на парту ручку, которая всё время скатывалась, и тихо вздохнула. Лай накрыла её ладонь своей — на секунду, просто чтобы Рив поняла: ты не одна.

Я смотрел на них из темноты и думал: вот это и есть самое важное. Не битвы. Не коробочки, которые щёлкают. А вот это тихое «мы рядом».

Потом прозвенел звонок. И класс будто взорвался движением.

Мальчишки ввалились первыми — Дин и Макс спорили, кто кого обогнал на лестнице, и плюхнулись на свои места так, будто хотели занять как можно больше пространства. Девочки шептались, кто-то достал телефон, кто-то сразу начал листать учебник. А потом появилась учительница — строгая, с папкой под мышкой, с таким взглядом, будто она заранее знала, кто сегодня будет отвлекаться.

Она встала у доски, постучала указкой по столу, и класс тут же притих.

— Открываем тетради, записываем тему, — сказала она ровным голосом. — И чтобы без разговоров.

И вот тут я и начал свои проделки.

Сначала — мелочь. Я вытянул лапу и тихонько подтолкнул карандаш, который лежал у края учительского стола. Он медленно покатился, звякнул о подставку для мела и замер. Учительница нахмурилась, посмотрела на стол, потом по сторонам, будто подозревала, что мебель решила взбунтоваться.

— Кто-то трогал? — пробормотала она себе под нос, подняла карандаш, положила его на место и снова взялась за мел.

А я сидел под столом и почти улыбался. Почти — потому что коты не умеют улыбаться, но внутри у меня всё дрожало от этого тихого азарта.

Потом я переключился на мальчишек. У Макса на полу лежал пенал — синий, с потёртыми углами. Я подполз, осторожно, чтобы не задеть ножку стула, и легонько подцепил его когтем. Пенал чуть сдвинулся, потом ещё, и вдруг открылся, рассыпав ручки и ластики прямо по проходу.

Макс дёрнулся, наклонился, начал собирать, бормоча: «Да как же так...» А я уже отполз назад, слился с тенью, и никто не понял, откуда взялась эта маленькая катастрофа.

В классе зашептались. Кто-то хихикнул. Учительница строго постучала по столу:

— Тишина! Сейчас не цирк!

Но цирк уже шёл. Просто его никто не видел.

Тогда я решил сделать что-то покрупнее. На учительском столе стояла банка с кисточками для доски — старая, с облупившейся краской. Я подобрался ближе, прицелился... и одним точным движением лапы поддел её край. Банка покачнулась, замерла на секунду, будто сама не верила, что сейчас упадёт, — и с глухим стуком опрокинулась. Кисточки посыпались на пол, покатались, одна даже доехала почти до первой парты.

Класс взорвался смешками. Учительница резко обернулась, лицо у неё стало таким, будто она вот-вот вызовет директора.

— Это не я! — тут же выкрикнул мальчишка у окна, хотя никто его и не обвинял.

— Тогда кто? — голос учительницы звенел, как натянутая

струна. — Кто устраивает здесь бардак?

Все переглянулись. Никто не знал.

А я посмотрел на Лай и Рив. Они сидели рядом, и обе смотрели не на кисточки, не на учительницу — а прямо под стол. В их взглядах не было злости. В них было: «Ну вот. Опять он». Только у Рив в глазах ещё дрожала лёгкая улыбка, будто она наконец-то видела меня настоящего. Не того, кого нужно спасать. А того, кто может просто устроить переполох.

И тогда я решил: хватит прятаться.

Я выполз из-под стола, не крадучись, а гордо, будто весь этот хаос был моим шедевром. Прошёл по проходу, мимо Макса, который всё ещё собирал ручки, мимо мальчишек, которые тарасились на меня, будто не верили своим глазам. Дошёл до Яра — он сидел, склонившись над тетрадью, и что-то старательно выводил, будто хотел доказать всему миру, что он самый прилежный.

Я остановился прямо перед ним. Чуть наклонил голову. И мяукнул.

Громко. На весь класс. Так, чтобы даже в коридоре услышали.

Тишина наступила мгновенно. Как будто кто-то выключил звук. Даже кисточка, которая ещё катилась по полу, будто испугалась и замерла.

Все повернулись ко мне. Учительница застыла с мелом в руке. Макс перестал собирать ручки. Дин замер с открытым

ртом.

А Лай и Рив... они просто смотрели. И в их взглядах было что-то такое, от чего у меня под шерстью пробежало тепло: они не собирались меня стыдить. Они были... со мной.

— Кот?! — выдохнула учительница, будто это слово не укладывалось у неё в голове. — В классе?!

Кто-то хихикнул, но тут же заткнулся под её взглядом.

А Яр... он просто смотрел на меня, глаза круглые, как две монеты.

— Ты... это ты всё устроил? — прошептал он, будто боялся, что если скажет громче, я исчезну.

Я снова мяукнул. Не оправдываясь. Не извиняясь. Просто: «Да. И что?»

— Ладно, — вздохнула учитель. — Но чтобы больше никаких кисточек. И пусть посидит тихо до конца урока.

Я не стал садиться тихо. Я сел прямо на свободное место у прохода, гордо выпрямив спину, и посмотрел на всех так, будто это не я устроил переполох, а весь класс был здесь ради меня.

Где-то в углу Макс тихо фыркнул, будто пытался сдержать смех. Дин ему шепнул: «Не смейся, а то выгонят». А Яр всё ещё смотрел на меня, будто пытался понять: как один кот может перевернуть весь урок.

Лай чуть наклонилась к Рив и тихо сказала:

— Ну вот. Теперь он пробрался и в школу тоже.

Рив улыбнулась, не широко, как улыбаются, когда пони-

мают, что всё наконец-то встаёт на свои места.

— Главное, чтобы он не решил, что теперь может списывать у меня математику, — прошептала она.

Я мякнул ещё раз. Не громко. Просто чтобы они знали: я всё слышу. И мне нравится быть здесь. Не на заброшенной фабрике. Не в темноте, где тени становятся длиннее. А в обычном классе, среди рассыпанных кисточек, строгих учительниц и друзей, которые не пытаются меня переделать.

Солнце пробивалось сквозь окно, ложилось на пол косыми квадратами, и в этих квадратах танцевала пыль. И я вдруг понял: иногда самое сильное волшебство — это когда ты можешь быть просто котом. И этого достаточно.

Глава 3. Урок.

Учительница наконец отложила мел, посмотрела на часы и устало, но с облегчением выдохнула:

— Урок окончен. А теперь — внимание. Директор распорядился, что восьмые классы помогут пятиклассникам разобраться с дробями. Будет такой «урок наоборот»: вы им всё объясните, вызовете к доске, проверите, поняли ли. На один пятый класс — ровно два человека из восьмого. Кто хочет, подходите, записывайтесь.

В классе тут же поднялся шум: кто-то закатывал глаза, кто-то хихикал, а кто-то, наоборот, оживился — ведь это значило, что не надо сидеть и слушать, а можно самому стоять у доски.

Я сидел на свободном стуле у прохода, гордо выпрямив спину, будто весь этот переполох с кисточками был моим официальным пропуском остаться. И теперь я смотрел не на учительницу, а на Лай и Рив.

Они переглянулись. Не словами — просто коротким взглядом, в котором уместилось: «Ты пойдёшь?» — «Конечно». И обе встали. Подошли к учительскому столу, встали рядом, будто заранее знали, что будут делать всё вместе.

— Мы возьмём пятый «Б», — твёрдо сказала Лай, будто это не просьба, а план, который нельзя менять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.